

Научная статья

УДК 316:115

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-246-254

МНОГОВАРИАНТНОСТЬ МОДУСОВ ВРЕМЕНИ В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ЛИЧНОСТИ

Галина Евгеньевна Снежко

*Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия
nova@161.ru, ORCID: 0000-0002-1908-0691,
AuthorID РИНЦ: 1025756, SPIN-код: 6247-6890*

Аннотация. На основе рассмотрения взаимодействия объективного социального и субъективного психологического времени в статье уточняется структура трёх модусов: прошлого, настоящего и будущего.

Цель статьи — проанализировать нелинейность социального времени и его принудительный характер по отношению ко времени личности.

Методологией исследования является темпоральная стратегия личности, выстраиваемая различным образом в зависимости от смыслов, придаваемых модусам времени, интерпретации их сложносоставности, а также их мыслимой глубины, плотности, связности и скорости движения относительно друг друга.

Результатами работы стало подтверждение того, что образы прошлого, настоящего и будущего, существующие в человеческом сознании, имеют слоистую, многоуровневую структуру.

Перспективой исследования является представление времени в роли медиатора, что позволяет человеку выстраивать наиболее оптимальным образом свою темпоральную стратегию.

Ключевые слова: время, темпоральные стратегии личности, прошлое, настоящее, будущее

Для цитирования: Снежко Г.Е. Многовариантность модусов времени в процессах формирования темпоральных стратегий личности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 246–254. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-246-254>.

Original article

THE MULTIVARIANCE OF TIME MODES IN THE PROCESSES OF FORMATION OF TEMPORAL STRATEGIES OF PERSONALITY

Galina E. Snezhko

*Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia
nova@161.ru, ORCID: 0000-0002-1908-0691,
AuthorID RSCI: 1025756, SPIN-code: 6247-6890*

Abstract. *Based on the consideration of the interaction of objective social and subjective psychological time, the article clarifies the structure of three modes: past, present and future.*

The purpose of the article is to analyze the nonlinearity of social time and its coercive nature in relation to the time of the individual.

The methodology of the research is the temporal strategy of the personality, built up in various ways depending on the meanings attached to the modes of time, the interpretation of their complexity, as well as their conceivable depth, density, connectivity and speed of movement relative to each other.

The results of the work proved that the images of the past, present and future that exist in human consciousness have a layered, multilevel structure.

The perspective of the study is the representation of time as a mediator, which allows a person to build his temporal strategy in the most optimal way.

Keywords: *time, temporal strategies of personality, past, present, future*

For citation: *Snezhko G. E. The multivariance of time modes in the processes of formation of temporal strategies of personality // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 246–254. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-246-254>.*

Введение. Усложнение структуры и умножение типов социального времени в современном обществе, связанное с возрастающей автономией индивидов от традиционных типов социальных общностей, привели к высокой степени свободы в распоряжении отдельным человеком собственным временем. Одним из элементов структуры социального времени выступают ориентации в модусах времени, поэтому целью данной статьи является уточнение содержания образов прошлого, настоящего и будущего как элементов темпоральных стратегий личности.

Конституирование времени как категории, с помощью которой обрисовывается человеческое бытие, началось в поле философских рассуждений об изменчивости не только объективного мира, но и мира человека — изменчивости, мерой и формой которой выступает

время. Достаточно обратиться к тексту «Исповеди» Аврелия Августина, в которой он, обращаясь к Богу, пишет об объективности и содержательности времени («...Ты создал меня во времени»), вопрошает о разных возрастах своих, утверждает способность времени воздействовать на человека («Время не проходит впустую и не катится без всякого воздействия на наши чувства: оно творит в душе удивительные дела. Дни приходили и уходили один за другим; приходя и уходя, они бросали в меня семена других надежд и других воспоминаний...»), рассуждает о вечности как антиподе времени, поскольку вечность пребывает, а время проходит, как приходят и уходят годы («...если бы время пребывало, оно не было бы временем», «...если бы ничто не проходило, не было бы прошлого времени; если бы ничто не приходило, не было бы будущего времени;

если бы ничего не было, не было и настоящего времени. ... настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое» [1, с. 10, 11, 46, 167].

Обсуждение. Отказывая в существовании будущему и прошедшему времени («ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трёх времен, прошедшего, настоящего и будущего» [1, с. 170], Августин настойчиво ищет место, где находится будущее и прошедшее, и находит его в душе: «...настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего ... существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание» [1, с. 170]. В отличие от Августина, в современном социогуманитарном знании признаётся существование как объективного социального времени, так и времени психологического (субъективного), а сложность взаимоотношений между ними продолжает уточняться.

Осознание переплетения хода человеческой жизни, разворачивающегося в объективном времени, и субъективного времени (восприятия, переживания, планирования, воспоминания различных конфигураций изменения) превращает проблему времени в одну из центральных всего социогуманитарного знания. При этом концептуализация собственно социального времени произошла довольно поздно: в работе Р. Мертона и П. Сорокина [18], анализ которой уже неоднократно осуществлялся в работах отечественных темпоралистов, историков и социологов [8]. Несмотря на это, до сих пор часто происходит микширование социального и психологического времён. В нашей работе под социальным временем мы понимаем форму, выражающую порядок, объективные отношения между длительностями всех социальных процессов. Эти отношения не линейны: их можно представить как ветвящееся дерево, траектории веток которого непредсказуемы. Это социальное время оказывает на индивидов принудительное воздействие через расписание социальных институтов и организаций (начиная от монастырей и школ до расписания работы магазинов и кафе), установления норм

для выполнения различных видов деятельности, но главное — оно сообщает (передаёт) человеческим действиям смыслы культуры посредством установленных календарных систем, череды праздников и памятных дат, программных документов и художественных образов времени. Будучи объективным относительно каждого отдельного индивида, социальное время включает в себя огромный пласт идеальных образований, то есть представлений о времени, закодированных в системах фиксации времени. Каждый отдельный человек воспринимает как объективно заданные ритмы общества, так и «предлагаемые» ему со стороны общества представления о времени, а выстраивая темпо-ритм собственной жизни, он формирует сложную, слоистую структуру субъективного времени.

Возрастание роли времени в индустриальном обществе стимулировало разнообразные исследования времени представителями самых разных наук — от истории до психологии и культурной антропологии. Социология занимает в этом ряду центральное место прежде всего благодаря многоуровневости своих подходов: от макро- до микроанализа общества и от понимания своих задач как исследования «социальных фактов» (Э. Дюркгейм) до понимающей социологии (М. Вебер). Можно сказать, что социология выполняет в исследованиях времени интегрирующую функцию всего социогуманитарного знания, актуализируя и объединяя разнообразные ракурсы исследования общества и человека. Некоторые направления теоретического и эмпирического исследования времени даже пересекаются у социологов и психологов: это касается, в частности, анализа проблемы временной перспективы и ориентаций во времени.

К наиболее ценным результатам исследования социального времени мы относим понимание того, что время личности выстраивается во взаимодействии со временем общества [9], что объективные повторяющиеся последовательности в поведении людей определяют их субъективное восприятие и переживание времени [15], что время личности и социальное время не являются линейными образованиями, а, напротив, протекают непредсказуемо, их траектории выстраиваются под влиянием многих сил, хотя как на личностном, так

и на групповом уровнях постоянно осуществляется как обращённое в будущее планирование, так и ретроспективные ориентации, измеряющие текущий момент с прошедшим временем. В обоих случаях возникает проблема временной перспективы и темпоральных стратегий. Под темпоральной стратегией будем понимать выстраивание личностью своей жизнедеятельности в соответствии с избранной временной перспективой.

Значимое исследование темпоральных стратегий в социологическом ключе было осуществлено П. А. Амбаровой. Исследуя временное измерение жизненной стратегии, П. А. Амбарова включает в него «представления о прошлом как фундаменте для выстраивания жизненной перспективы и образы будущего, которые определяют настоящее социальной общности, способы ее поведения и ценностные приоритеты в этом настоящем» [3, с. 47].

Достаточно давно обратились к проблеме ориентаций во времени, в частности к исследованию временных перспектив психологи. Исследование временной перспективы личности началось с работы Л. К. Фрэнк [13], который рассматривал её как способ расположения личностью своего Я внутри субъективного времени. С 1939 года по настоящее время понимание временной перспективы углубляется: это не только ориентации личности во временном континууме, представления о будущем и прошлом из точки настоящего, но наполнение всех моментов прошлого и будущего такими содержательными (и эмоционально переживаемыми) характеристиками, как страхи, надежды, ожидания, которые могут в свою очередь расширять и сворачивать временной горизонт. Положительная или отрицательная модальности образов времени также влияют на протяжённость временной перспективы вглубь прошлого или будущего. Важно отметить, что каждый модус объективного социального времени наполняется определённым смысловым содержанием, которое может меняться.

Целерациональная активность личности связана с расширением временной перспективы в направлении будущего. Изучение поведения человека в аспекте ориентации на цель позволило специалистам по социальной и личностной психологии зафиксиро-

вать, что в основе персональной активности могут лежать сходные психологические образования, описываемые разными авторами в разных терминах: персональные стремления [11], персональные проекты [14], жизненные задачи [10], возможные self [12]. Но как бы они ни назывались, в реализуемых действиях, начиная с рутинных повседневных дел и заканчивая принципиальными жизненными решениями и обязательствами, выстраиваемыми сообразно принятым целям, человек проявляет и утверждает своё Я. Но не только ориентация на модус ближайшего или отдалённого будущего учитывается в целерациональной активности, а также её соотнесённость с определённым возрастом человека или этапами его социального развития. В этом смысле нормативность многих жизненных задач как бы «протаскивает» личность сквозь строй возрастных периодов, заставляя выстраивать определённую иерархию целей, привязанных к определённому времени, при этом сама иерархия целей изменчива как на общественном, так и на личностном уровне. Так, увеличение возраста вступления в первый брак в современном обществе детерминировано необходимостью получения хорошего образования и получения достойной работы для женщин, однако оно же заставляет девушек студенческого возраста отодвигать цель счастливого замужества на более отдалённую временную перспективу. В отдельных случаях от этой цели даже отказываются. Во всех этих случаях иерархия целей, выстраиваемая относительно ближайшего или, напротив, отдалённого будущего, будущего зависимого и относительного или, наоборот, независимого от других обстоятельств и намерений, становится предметом социального конструирования. А само выстраивание целей и реализация действий в соответствии с ними формируют темпоральную стратегию личности.

Недавние исследования временной перспективы фокусируются на кросс-культурных различиях между представителями разных культур [19], на роли ориентации на будущее в развитии социальной компетентности молодежи [20] и разворачивание творческого потенциала в долгосрочной перспективе [16]. Большой интерес представляют результаты эмпирического исследования временной

перспективы сотрудников организаций, проведённое Т.А. Нестиком. Выделив четыре компонента отношения ко времени (ценностно-мотивационный, когнитивный, аффективно-оценочный и конативный), он представил показатели временной перспективы на уровне организации [6]. Однако в большинстве исследований упор делается на целостность и однородность образов прошлого, настоящего и будущего, тогда как они являются достаточно сложными образованиями.

Стилевое разнообразие современной культуры детерминировано различными ценностными ориентациями, в том числе различными ориентациями на модусы времени (в самой широкой степени обобщения именуемые настоящим, прошлым, будущим). Придание различных значений этим модусам превращает их в смысловые модусы времени, структура которых весьма сложна. Эта сложность обусловлена несколькими обстоятельствами: неоднородностью социального времени в каждый момент его реального осуществления, а также в процессе переживания настоящего момента, предвосхищения будущего и воспоминания прошлого; совмещение трёх образов времени при попытках их описания самим человеком (образ в себе, образ для себя и образ для других); совмещение нормативно заданного и личностно выстраиваемого (на основе возможности выбора) темпа-ритма и направленности изменений собственной жизни.

Сложносоставность модусов времени подтверждается и грамматическим строем языка. Так, в древнерусском языке временная система включала в себя настоящее время, четыре формы прошедшего времени и три формы будущего времени. Четыре формы прошедшего времени отличались друг от друга как по форме, так и по значению. Выделим различие значений: аорист обозначал единичное действие, полностью обращенное в прошлое; имперфект обозначал длительное, многократное действие, также полностью обращенное в прошлое; перфект обозначал действие, совершенное в прошлом, результаты которого налично в настоящем (аналогом чему в английском языке в данном случае может быть Present Perfect Tense); плюсквамперфект (давно прошедшее время) обозначал действие в прошлом, которое предшество-

вало другому действию в прошлом (в английском языке ему соответствует, например, Past Perfect Tense). В древнерусском языке так же, как и в старославянском языке, было три формы для обозначения действия в будущем. Будущее время в древнерусском языке тоже было сложносоставным, оно имело три формы: простое будущее время, I будущее сложное время и II будущее сложное время (относительное будущее время), которое обозначало то действие в будущем, которое произойдет раньше другого будущего действия. Из этих трёх форм сохранились в современном русском языке только две [7]. Аналогичную работу можно было бы провести и на материале многих других языков, в том числе современного русского языка.

Этот краткий экскурс в историю древнерусского языка, связанного с выражением времени, во-первых, лишней раз подтверждает эвристичность лингвистического поворота не только для философии, но и для социологии. Суть лингвистического поворота Р. Рорти определял следующим образом: «Философские проблемы — это проблемы, которые могут быть разрешены либо через реформирование языка, либо через большее понимание используемого нами языка» [17, р. 3]. А во-вторых, это иллюстрация возможностей языка для выражения сложного устройства разных модусов времени и шире — выражения опыта его носителей, того опыта, в котором в давно прошедшем времени существовали разные возможности, осуществлялись разные виды активности, для которых одни действия выступали как причины последующих следствий, осуществлялся выбор, реализовывались разные возможные состояния.

Сложность модусов времени (особенно будущего) фактически учитывается в конкретных исследованиях. Так, анализируя жизненные стратегии, К.А. Абульханова-Славская выделяет долгосрочные цели [2], Ю.А. Зубок и В.И. Чупров пишут о долгосрочных и краткосрочных целях молодежи [5], а социальные психологи в ходе анализа восприятия настоящего, прошлого и будущего предлагают испытуемым оценить их по нескольким критериям (определяя аффективную оценку, ценность для индивида, степень вовлечённости в персональную жизнь,

структурированность и связность) [6]. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе основана на выделении нескольких измерений: величины мысленной протяженности в будущее; длины отрезка времени, на которое человек мысленно переносится в прошлое; плотности, то есть количества событий в прошлом или будущем, о которых человек думает; связности между образами прошлого, настоящего и будущего; ощущения воспринимаемого темпа продвижения в направлении будущего [4]. Методика Ф. Зимбардо позволяет зафиксировать разное отношение и направленность к модусам времени в разные возрастные периоды жизни человека, скорости передвижения между модусами и т.д. Благодаря методике Ф. Зимбардо был, в частности, опровергнут стереотип о том, что пожилые люди «живут в прошлом», а также подтверждена их стойкость перед лицом экономических проблем.

Таким образом, образы модусов времени оцениваются исследователями как образования неоднородные, изменчивые и в содержательном, и в процессуальном аспектах, поэтому мы предлагаем выделить в объективном социальном времени и в личных конструктах времени несколько видов или уровней. Образ прошедшего времени разделяется на три вида в соответствии с действительными социальными процессами:

— то, что осталось далеко позади, разрыв с ним давно осуществлён, но его следы запечатлены в содержании настоящей ситуации;

— прошлое, которое «живёт» и в настоящий момент, оно продолжается, поскольку не изжито то содержание жизни, которое было заложено в нём, оно продолжает осуществляться;

— прошлое, которое давно осуществилось, но следов которого в настоящем найти уже нельзя: оно растворилось в других качествах.

Аналогичные процессы происходят и в настоящем времени, в котором сосуществуют заложенные в прошлом, но до конца там не осуществлённые действия, и действия, начало которым закладывается «здесь и сейчас». Переживание этого сложного строения настоящего и воспоминания о прошедшем отличаются от их реального осуществления, но в свою очередь вплетаются в это осуществ-

ление, превращая линейную причинно-следственную последовательность в сложное переплетение разных видов времён.

Будущее также можно подразделить на несколько видов, хотя все они пребывают только в человеческом сознании в виде образов предвосхищения:

— образ далёкого, лучезарного, вдохновляющего (или, напротив, устрашающего) будущего времени, располагающегося за горизонтом видимости, при этом степень его утопичности не важна; этот образ конкретизируется в долгосрочной цели;

— образ относительно близкого, конкретного будущего, наступление которого требует конкретных усилий здесь и сейчас, этот образ конкретизируется в краткосрочной цели, в ближайшей перспективе.

Можно зафиксировать, что настоящее время является самым сложным, поскольку оно постоянно ускользает: то, что есть, перетекает в прошлое (но мы можем не знать, какой вид оно там примет), а «близкое» будущее «соскальзывает» в наше настоящее, каждое состояние которого не обязательно приближает лучезарность (или устрашающую мрачность) будущего «далёкого».

Заключение. Таким образом, не только объективно данные последовательности, длительности и темпо-ритмы социальной действительности, представленной через набор событий прошлого, настоящего и будущего, но и образы прошлого, настоящего и будущего, существующие в человеческом сознании, имеют слоистую, многоуровневую структуру. Время при этом выполняет роль медиатора, поскольку позволяет человеку соотносить свои индивидуальные временные перспективы с темпоральными особенностями общества, в котором он живёт, выстраивая наиболее оптимальным образом свою темпоральную стратегию.

Список источников

1. Августин Аврелий. Исповедь // Августин Аврелий. Исповедь; Абельяр П. История моих бедствий / Пер. с лат. М.: Республика, 1992. 335 с.
2. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.

3. Амбарова П. А. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей в условиях перехода к нелинейному социальному времени: управленческий подход: дис. ... д-ра социол. наук. Нижний Новгород, 2017. 395 с.

4. Зимбардо Ф. Методика: Опросник временной перспективы [Электронный ресурс] // Zimbardo Time Perspective Inventory — ZTPI. URL: <https://cpd-program.ru/methods/ztpi.htm#:~:text=%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%8C%20%D0%B5%D0%B9%20%D1%81%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB, %D0%A4., %D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%88%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE%2C%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE%20%D0%B8%20%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE%22>.

5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №3. С. 13–41. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>.

6. Нестик Т. А. Социальная психология времени. М.: Институт психологии РАН, 2014. 496 с.

7. Низаметдинова Н. Н. Историческая грамматика русского языка: учебное пособие. Изд-е 4-е, испр. и доп. М.: Изд-во МГОУ, 2014. 162 с.

8. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.

9. Яковлев В. П. Социальное время. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1980. 160 с.

10. Cantor N., Norem J. K., Niedenthal P. M., Langston C. A., Brower A. M. Life tasks, self-concept ideas, and cognitive strategies in a life transition // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. №53. Pp. 1178–1191.

11. Emmons R. Abstract versus concrete goals: Personal goals and subjective well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. №62. Pp. 292–300.

12. Fryberg S., Markus H. On Being American Indian: Current and Possible Selves // Self and Identity. 2003. №2. Pp. 325–344.

13. Frank L. K. Time perspectives // Journal of Social Philosophy. 1939. №4. Pp. 293–312.

14. Little B. R., Lessi L., Watkinson B. Personality and personal projects: Linking Big Five and PAC units of analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. №60. Pp. 501–525.

15. McGrath J. E. Time, interaction, and performance (TIP): A theory of groups // Small Group Research. 1991. №2. Pp. 147–174.

16. Miron-Spektor Ella, Vashdi Dana R., Gopher Hadas. Bright sparks and enquiring minds: Differential effects of goal orientation on the creativity trajectory // Journal of Applied Psychology. 2022. №107(2). Pp. 310–318. DOI: <https://doi.org/10.1037/apl0000888>.

17. Rorty R. M. Introduction: Metaphysical Difficulties of Linguistic Philosophy // The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method / Ed. Richard Rorty. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. Pp. 1–39.

18. Sorokin P., Merton K. Social Time: A Metodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology. 1937. V. 42. №5. Pp. 615–629.

19. Worrell F. C., Mello Z. R., Laghi F. Time Perspective Constructs in Albanian and Italian Adolescents: Exploratory Analyses // Psychological Reports. 2020. №124(2). Pp. 693–719. DOI: <https://doi.org/10.1177/0033294120913493>.

20. Zehua Cui, Assaf Oshri, Sihong Liu. Child Maltreatment and Resilience: The Promotive and Protective Role of Future Orientation // Journal of Youth and Adolescence. 2020. №49(10). Pp. 2075–2089. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-020-01227-9>.

References

1. Avgustin Avrelij. Ispoved' [Confession]. / Avgustin Avrelij. Ispoved'; Abeljar P. Istorija moih bedstvij [Augustine Aurelius. Confession; Abelard P. The history of my disasters]. Per. s lat. Moscow: Respublika, 1992. 335 p. (In Russ.).

2. Abul'hanova-Slavskaja K. A. Strategija zhizni [Strategy of life]. Moscow: Mysl', 1991. 299 p. (In Russ.).

3. Ambarova P. A. Temporal'nye strategii povedenija social'nyh obshhnostej v uslovijah perehoda k nelinejnomu social'nomu vremeni: upravlencheskij podhod: dis. ... d-ra sociol. nauk [Temporal strategies of behavior of social communities in the conditions of transition to

nonlinear social time: managerial approach. Dr. Sci. (Sociology) diss.]. Nizhnij Novgorod, 2017. 395 p. (In Russ.).

4. Zimbardo F. Metodika: Oprosnik vremenoj perspektivy [Methodology: Time Perspective Questionnaire] [Elektronnyj resurs]. Zimbardo Time Perspective Inventory — ZTPI. URL: [https://cpd-program.ru/methods/ztpi.htm#:~:text=%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%8C%20%D0%B5%D0%B9%20%D1%81%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB, %D0%A4., %D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%88%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE%2C%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE%20%D0%B8%20%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE%22](https://cpd-program.ru/methods/ztpi.htm#:~:text=%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%8C%20%D0%B5%D0%B9%20%D1%81%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB, %D0%A4., %D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%88%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE%2C%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE%20%D0%B8%20%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE%22.). (In Russ.).

5. Zubok Ju. A., Chuprov V.I. Zhiznennye strategii molodezhi: realizacija ozhidaniy i social'nye nastroyeniya [Life strategies of youth: realization of expectations and social moods]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. 2020; (3): 13–41. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>. (In Russ.).

6. Nestik T.A. Social'naja psihologija vremeni [Social psychology of time]. Moscow: Institut psihologii RAN, 2014. 496 p. (In Russ.).

7. Nizametdinova N.N. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka: uchebnoe posobie [Historical grammar of the Russian language: a textbook]. Izd-e 4-e, ispr. i dop. Moscow: Izd-vo MGOU, 2014. 162 p. (In Russ.).

8. Savel'eva I. M., Poletaev A.V. Istorija i vremja. V poiskah utrachennogo [History and time. In search of the lost]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 800 p. (In Russ.).

9. Jakovlev V.P. Social'noe vremja [Social time]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1980. 160 p. (In Russ.).

10. Cantor N., Norem J.K., Niedenthal P.M., Langston C.A., Brower A.M. Life tasks, self-

concept ideas, and cognitive strategies in a life transition. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987; (53): 1178–1191.

11. Emmons R. Abstract versus concrete goals: Personal goals and subjective well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992; (62): 292–300.

12. Fryberg S., Markus H. On Being American Indian: Current and Possible Selves. *Self and Identity*. 2003; (2): 325–344.

13. Frank L.K. Time perspectives. *Journal of Social Philosophy*. 1939; (4): 293–312.

14. Little B.R., Lessi L., Watkinson B. Personality and personal projects: Linking Big Five and PAC units of analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992; (60): 501–525.

15. McGrath J.E. Time, interaction, and performance (TIP): A theory of groups. *Small Group Research*. 1991; (2): 147–174.

16. Miron-Spektor Ella, Vashdi Dana R., Gopher Hadas. Bright sparks and enquiring minds: Differential effects of goal orientation on the creativity trajectory. *Journal of Applied Psychology*. 2022; 107(2): 310–318. DOI: <https://doi.org/10.1037/apl0000888>.

17. Rorty R.M. Introduction: Metaphysical Difficulties of Linguistic Philosophy. The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method. Ed. Richard Rorty. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. Pp. 1–39.

18. Sorokin P., Merton K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis. *American Journal of Sociology*. 1937; 42(5): 615–629.

19. Worrell F.C., Mello Z.R., Laghi F. Time Perspective Constructs in Albanian and Italian Adolescents: Exploratory Analyses. *Psychological Reports*. 2020; 124(2): 693–719. DOI: <https://doi.org/10.1177/0033294120913493>.

20. Zehua Cui, Assaf Oshri, Sihong Liu. Child Maltreatment and Resilience: The Promotive and Protective Role of Future Orientation. *Journal of Youth and Adolescence*. 2020; 49(10): 2075–2089. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-020-01227-9>.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 01.11.2023; approved after reviewing on 21.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Снежко Галина Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Общая и клиническая психология», Ростовский государственный медицинский университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Суворова, 119

Galina E. Snezhko — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Rostov State Medical University.

119 Suvorova str., Rostov-on-Don, Russia
